

Почти пророчески говорил Марти, что завоевание национальной независимости в результате войны против испанских колонизаторов еще не означает полной свободы. «Латинская Америка освободилась от испанской

тирании — теперь пробил час заявить о своей второй независимости». Марти имел в виду зависимость латиноамериканских стран от США.

Книга Хуана Маринельо раскрывает образ Хосе Марти — большого художника,

деятельного человека, страстного поэта, который отдал жизнь борьбе за свободу латиноамериканских народов и благородные идеалы своего времени.

С. Воробьев

О ЧЕМ ЗАБЫЛ И ЧТО ВСПОМНИЛ ЖЮЛЬ РОМЕН

□

Jules Romains. Souvenirs et confidences d'un écrivain. Paris, Librairie Arthème Fayard, 1958.

□

Жюль Ромен выпустил книгу «Воспоминания и признания писателя».

Ему было, конечно, что вспомнить и в чем признаться. За плечами Ромена — большой жизненный и творческий путь, десятки романов, пьес, стихов, очерков, статей. «Я мог бы рассказать много анекдотов, нарисовать более двадцати портретов», — признается Жюль Ромен. Он мог бы вспомнить не только веселые анекдоты, но и трагические события немецкой оккупации, когда он попытался было найти общий язык с гитлеровцами. Теперь обо всем этом Жюль Ромен постарался не вспоминать. Лишь однажды он посетовал на гестапо, по-своему «распорядившееся» в 1943 году его архивом. Вообще же он воскрешает в памяти события, относящиеся по преимуществу к весьма далекому прошлому. Однако тщетно искать в книге интересные факты из французской литературной жизни за последние полвека. Книга Ромена бесконечно далека от мудрых мемуаров Роже Мартен дю Гара или взволнованных воспоминаний Франсиса Карко. Лишь в одной главе есть ряд беглых заметок, относящихся к первоначальным шагам

Ромена на литературной дорожке, да несколько колоритных штрихов, удачно дополняющих характеристики таких деятелей, как Аполлинер, Сандрар, Пираделло, Антуан, Фабр. Писатель вспоминает также друзей юности, рассказывает о литературной борьбе начала века.

Как во всякой посредственной социологической работе, Жюль Ромен начинает с краткой характеристики эпохи. Тут писатель очень многое постарался забыть. Период накануне первой мировой войны увиден глазами преуспевающего и самодовольного буржуа. В нарисованной автором идиллической картине чудесным образом отсутствуют и увеличивающаяся с каждым днем нищета широких масс населения, и растущие колониальные аппетиты империалистических держав, и первые организованные рабочие выступления, и грозные предвестия грядущей бойни.

Столь же однобоко предстает нарисованная Роменом картина литературной жизни того периода. Больше всего он говорит об «Аббатстве» — кружке так называемых унанимистов, которые выдвигали идею «коллективной души». Автор хочет доказать, что унанимизм появился в борьбе против упадочнической литературы. Но мы знаем, что «социальность» этого течения, претендовавшего на изображение жизни общества, была мнимой, а «коллективы» унанимистов — лишь случайными сборищами людей.

Ж. Ромен стремится представить дело так, будто бы он и его соратники по «Аб-

батству» одни повели борьбу против декаданса. У нашего академика совершенно пропал, потерялся Ромен Роллан, как раз в эти годы выступивший со своим «Жан-Кристофом». «Забыл» Ромен и об Анатоле Франсе, чьи романы тех лет — «Остров пингинов», «Боги жаждут», «Восстание ангелов» — явились одной из вершин критического реализма. Послушать Ромена, так писателей менее крупных, чем Роллан или Франс, и вовсе не существовало.

Основная тема размышлений и признаний Жюля Ромена — психология творчества. Его интересует процесс возникновения и взрвания в сознании писателя основного конфликта задуманного им произведения, характерных черт его героев.

Ромен начинает с того, что в основе любого литературного произведения лежит жизненная ситуация; поэтому писатель должен хорошо знать жизнь, знать то, о чем он повествует. Причем в идеальном для Ромена случае описать правдиво и всесторонне дипломата может только дипломат, актера — актер, рабочего — рабочий.

Провозгласив необходимость для писателя хорошо знать окружающий его мир, Ромен тут же берет это под сомнение. Он замечает, что люди, прожившие интересную жизнь, часто не могли написать и двух строк, в то время как те, кто видел мало, создавали замечательные литературные произведения. В качестве примера он называет Бальзака. «Тайна Бальзака, — пишет Ромен, — самая воз-

буждающая в истории литературы. Можно ли допустить, что самое значительное произведение... принадлежит человеку, который не наблюдал, который просто не имел физической возможности наблюдать? Это едва ли менее волнующе, чем тайна Шекспира».

Чтобы свести концы с концами, Ромэн обращается к теориям Фрейда, пытаясь найти в них точку опоры для своих необузданных построений. Объявив поначалу, что основа конфликта произведения и персонажей — реальная жизнь, он тут же выдвигает иное положение: все качества героев писатель находит лишь в себе самом. «Чтобы короче пояснить этот взгляд, — пишет Ромэн, — я скажу, что все мы жадны, скупы, завистливы, сладострастны, тщеславны, все мы склонны к обману, к воровству, все

мы способны на честность, на мужество, на благородство, на низость, на предательство, на лютую злобу, на жестокость, на мистическую экзальтацию и т. д., лишь пропорции этой смеси у нас не одинаковы». В этом видит писатель разгадку «тайны» Бальзака. Не огромная наблюдательность автора «Человеческой комедии», знание им жизни, а пресловутое «многообразие» души Бальзака позволило ему, по мнению Ромэна, создать свое великое произведение.

Но, оказавшись сторонником интуитивного психоанализа, Ромэн тут же заявляет, что психоанализ — и внутренний монолог как средство его реализации, — по крайней мере в том виде, «в каком его употреблял Джойс», является лишь литературной забавой.

Из таких вот оговорок,

обратных ходов и топтания на месте (когда совсем уж нечего сказать) и состоит вся книга.

Мельчание своего литературного таланта Жюль Ромэн уже «блестяще» продемонстрировал последними романами «Странная женщина» (см. рецензию в «Иностранной литературе» № 10, 1957 г.) и «Мемуары госпожи ШOVERель», наполненными непомерными восторгами по поводу капиталистического мироустройства и нелепыми антисоветскими вымыслами. Теперь он показал и свою теоретическую несостоятельность, ибо нельзя считать серьезным теоретиком человека, попеременно обращающегося к различным концепциям и тут же отказывающегося от того, что он только что защищал.

А. Михайлов

ПУБЛИЦИСТИКА ЕЖИ ПУТРАМЕНТА

Jerzy Putrament. Kronika obyczajów. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1959.

Весна 1956 года и последовавшие за ней месяцы не были легкими для польской литературы. Здоровым социалистическим силам ее пришлось выдерживать бешеный натиск доморожденных реакционеров, ревизионистов, мелкобуржуазных идеологов, которых различные зарубежные «голоса» науськивали на народно-демократическую власть.

Именно тогда на страницах польских литературных еженедельников можно было видеть статьи, где рядом с заголовком красовалась фигура рыцаря в доспехах. По этой эмблеме читатели узнавали фельетоны Ежи ПУТРАМЕНТА, отдавшего свое перо на службу социалисти-

ческой революции в Польше. Ныне его фельетоны выпущены в виде сборника под названием «Хроника быта».

В острых, злободневных фельетонах ПУТРАМЕНТ затрагивал многие стороны жизни народной Польши. Он давал отпор польским ревизионистам, уныло бубнившим об «идеологическом банкротстве социализма», разоблачал крикунов, повторявших избитые лозунги враждебной пропаганды, и замаскированных поборников реставрации капитализма в Польше.

Борьба за социалистическое направление польской литературы — одна из центральных тем публицистики Ежи ПУТРАМЕНТА. Он бичует «литературу демисезона» — приспособленческую писанину, представителями которой руководят не интересы народа, а стремление половчее, повыгоднее набить карман. Авторы подобных произведений претендовали на «расчет с эпохой» — то есть присваивали себе право произвольно судить

дела и думы народа, занятого строительством социализма. Благородные помыслы, творческий энтузиазм, радость созидания — всю эту большую правду социалистической действительности злопыхатели старались исказить и очернить. ПУТРАМЕНТ обращает внимание читателей на то, что та-